

Торговые войны как главный аспект противоречий между США и другими странами

Проанализировано экономическое соперничество между США и КНР, которой привело к началу «торговых войн». Предмет исследования — политические и экономические меры президента Д. Трампа в рамках стратегии *America first* против стран-партнеров для поддержания роли доминанта США на мировом рынке. Кроме того, предпринята попытка оценить последствия жесткой санкционной политики Белого дома в отношении других государств с целью навязать им доллар как единую расчетную валюту. В качестве результатов анализа рассмотрены причины отказа некоторых стран от торговли в долларах, что дало возможность использовать собственные национальные валюты в расчетах за товары.

Ключевые слова: *тарифы, стратегия, торговая политика, резервная валюта, дедолларизация, торговый дефицит, экономическая война.*

JEL:F51

doi:10.17323/2499-9415-2019-3-19-25-44

Экономическое противостояние США и Китая за доминирование на мировом рынке на фоне внутреннего раскола американских элит

С приходом к власти в США президента Дональда Трампа был объявлен «новый курс» на развитие экономики с целью упрочения роли государства как повсеместного гегемона. Одновременно начался пересмотр торговых отношений со странами-партнерами, ввиду невыгодности некоторых соглашений для самой Америки. В результате зарождается феномен «трампномики», который призывает отойти от привычного курса наращивания военного и политического присутствия в разных регионах мира и сосредоточиться на перемещении (возврата) ресурсно-экономического потенциала в Соединенные Штаты за счет средств других государств. Феномен содер-

¹ Ильин Илья Евгеньевич — Донецкий национальный университет (ДНР). E-mail: <04ilyin01@gmail.com>.

жит элементы националистической альтернативы всей глобальной системе мироустройства. Иными словами, главная цель экономической политики Трампа — провести «перезагрузку» глобализации, что, безусловно, приведет к перераспределению баланса сил на мировом рынке. Кроме того, ключевое место в политической повестке отведено фактору соперничества за экономическое превосходство между США и КНР, которое привело к началу «торговых войн». Жесткая санкционная политика Администрации Белого дома в отношении других государств с целью навязать им доллар как единую расчетную валюту стала причиной отказа некоторых из них от торговли в долларах и привела к практике использования собственных национальных валют в расчетах за товары со своими партнерами.

Д. Трамп говорил о возможности экономической войны с китайскими компаниями еще во время своей предвыборной кампании. Позже в одном из выступлений он заявил: «США не начинают экономическую войну, она была уже проиграна до нас недалекими и непрофессиональными руководителями США. В итоге мы имеем дефицит торгового баланса в 500 млрд долл. ежегодно, а также теряем больше 300 млрд долл. в результате нарушения прав интеллектуальной собственности. Мы не имеем права допустить обострение подобного» [1]. Однако через два года пребывания Трампа в Овальном кабинете его протекционистские методы привели США и весь остальной мир к угрозе глобальной «торговой войны». В начале 2018 г. президент ввел тарифы на солнечные панели и стиральные машины китайского производства, а уже через два месяца он расширил их действие на сталь и алюминий. В июне тарифами обложили экспорт стали и алюминия из ЕС, Канады и Мексики, а ЕС угрожали дополнительными тарифами в размере еще 350 млрд долл. В июле были введены новые пошлины в отношении продукции высокотехнологичных отраслей Китая на сумму 34 млрд долл. [2].

Помимо этого, Трамп предложил новые ограничения в 200 млрд долл. для китайского экспорта. Одновременно с этим Конгресс принял закон, направленный на ограничение военной и экономической деятельности Китая [3]. ЕС, Канада, Мексика и Китай ответили санкциями, направленными против американских фермеров и рабочих промышленных предприятий. Министр финансов Франции Брюно Ле Мэр заявил, что «война уже началась», а министерство иностранных дел Китая обвинило Соединенные Штаты в развязывании «крупнейшей торговой войны» в истории [4]. По результатам проведенного 25 июля 2018 г. в Вашингтоне саммита между США и ЕС стороны достигли предварительной договоренности по торговым вопросам и пока воздерживаются от введения дополнительных тарифов. Совместно с правительствами Канады и Мексики США достигли определенных успехов в пересмотре условий Соглашения о североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА) [5].

Однако с Китаем США не так просто решить назревшие вопросы. Несмотря на отдельные случаи заключения перемирий, достижение приемлемого для

обеих сторон долгосрочного урегулирования проблем пока невозможно. Текущий уровень тарифов еще не перерос в активную фазу полномасштабной «торговой войны», а протекционизм не распространился на денежную сферу. Объемы экономик США и Китая в совокупности составляют 30 трлн долл., или 40% мирового ВВП. Торговые же потоки, которые в настоящее время затронуты тарифами, не превышают 1% этой суммы [6]. Однако опасения касательно протекционистских мер уже сказываются на азиатских и европейских рынках, хотя и не влияют на акции США. Выход из этой ситуации в конечном счете зависит от того, какие убытки каждая из сторон готова понести, и от внутренних проблем в Вашингтоне и Пекине.

Хотя ВВП Китая по некоторым пунктам уже превосходит ВВП Соединенных Штатов, статистические данные не отражают реального соотношения сил между ними [Ibid.] (рис. 1).

Компании США и других стран сохраняют массовое присутствие в Китае, а системы их поставок составляют значительную часть китайского экспорта и продаж внутри страны. Статус доллара в качестве международной резервной валюты остается неоспоримым. В 2018 г. доля юаня в глобальных платежах (1,6%) отодвинулась на 5-е место, а его доля в торговле Китая уменьшилась до 11,5% [7]. Степень зависимости экономики США от торговли намного меньше, чем у их основных торговых партнеров. При этом потенциал Пекина в плане введения ответных тарифов ограничен тем, что экспорт Китая в США составляет 505 млрд долл., а импорт — только 130 млрд долл. [8]

Соединенные Штаты являются одним из наиболее крупных торговых партнеров КНР, но Китай уже несколько лет является нетто-экспортером во взаимной торговле. Стоимость потока американских товаров в Китай составляет 0,7% объема ВВП США, а общий объем поставляемой из КНР в Америку продукции — около 3% китайского валового продукта. В Соединенные Штаты поставляется в основном продукция с высоким уровнем добавочной стоимости (самолеты, техника, автомобили, приборы), а в обратном направлении поступают потребительские и химические товары. Таким образом, американцам гораздо проще заменить продукцию из Китая [9].

Предполагается, что за 2019 г. ВВП США и КНР потеряет соответственно 0,45 и 0,10%, а мировой ВВП — 0,19%. По прогнозам, в 2020 и 2021 гг. эти показатели составят: США — 35 и 0,10%, КНР — по 0,18%, мир — 0,22 и 0,10%.

Белый дом 22 марта 2018 г. опубликовал документ «О противодействии экономической агрессии КНР», в котором указывалась неизбежность торговой борьбы с китайскими производителями [10]. Трамп поручил американскому юристу и политику Р. Лайтхайзеру представлять интересы США в разбирательствах в отношении Китая в ВТО, а министру экономики С. Мнучину — составить программу ограничений по притоку китайских инвестиций в американские компании [11] (рис. 2).

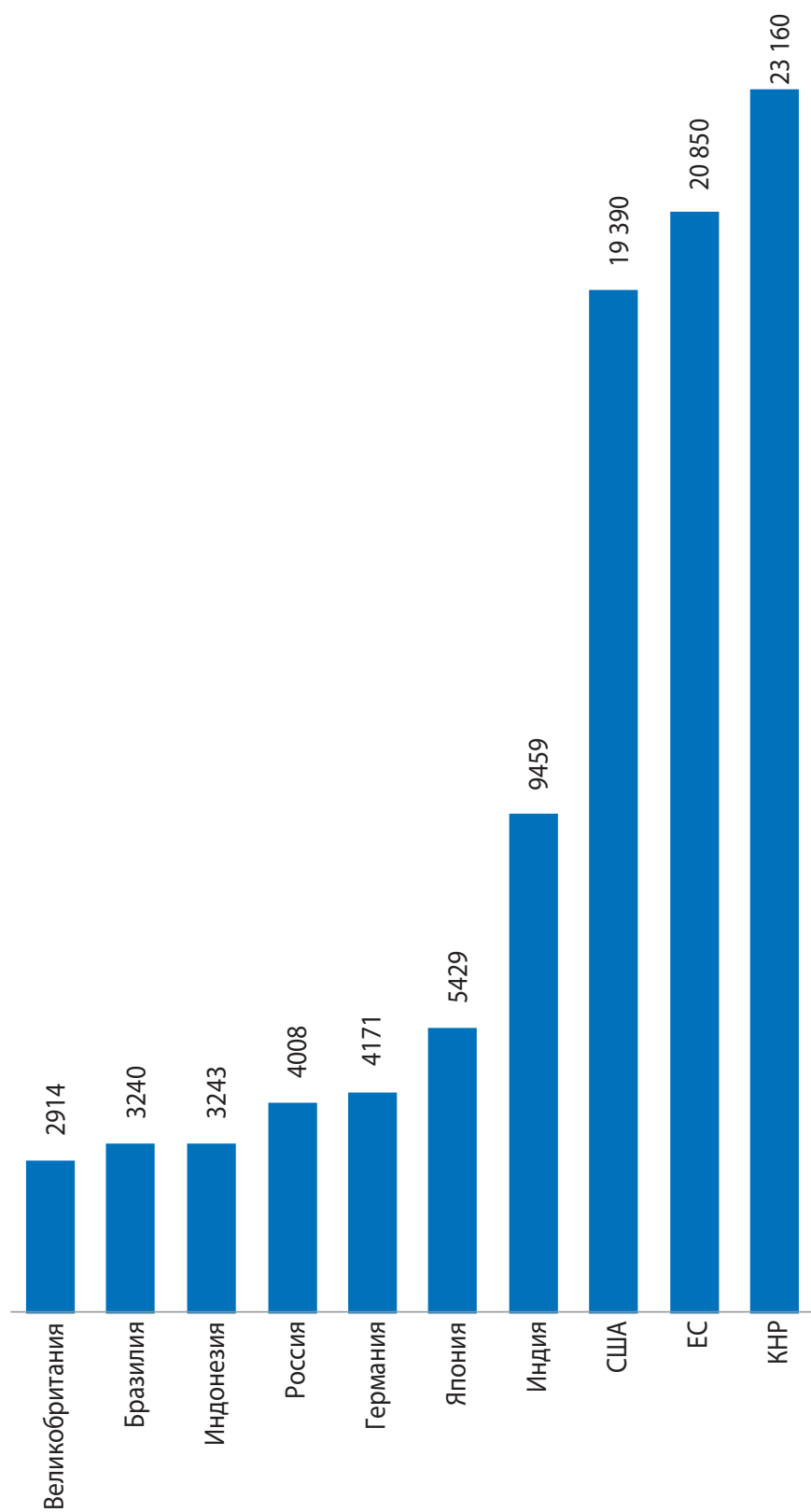

Рис. 1. ВВП наиболее крупных стран в 2017 г., млрд. долл.

Рис. 2. Сектора экономики США, наиболее подверженные риску в «торговой войне» с Китаем, млрд долл.

Похоже, что администрация Трампа также пришла к выводу, что низкий уровень безработицы, устойчивый рост экономики и возможное соглашение с ЕС обеспечат ей «стратегическую стабильность» в «торговой войне», особенно в условиях замедления темпов экономического роста основных торговых партнеров. Например, за весь 2018 г. экономика ЕС выросла всего на 1,8%, что стало самым низким показателем за четыре года [12]. Официальные лица ЕС отклонили предложения китайского руководства о заключении «большого альянса» против Соединенных Штатов, в рамках которого Китай предоставил бы ЕС льготный доступ к рынку, а тот, в свою очередь, обязался бы начать совместное с Пекином наступление против США в ВТО. В то же время договоренности с Евросоюзом и НАФТА с гораздо большей долей вероятности могут стать основой единого фронта против Китая, что уже просматривается в негласных договоренностях между США, ЕС и Японией о блокировке присвоения Китаю статуса страны с рыночной экономикой в рамках ВТО по истечении 15-летнего переходного периода, установленного в совместно подписанном протоколе при вхождении Китая в организацию в 2001 г. Что касается главного экономического локомотива ЕС — Германии, то правительство Ангелы Меркель, хотя и приветствует поступление крупных инвестиций из Китая в свою экономику, но тем не менее опасается укрепления позиций Пекина в таких чувствительных отраслях, как оборона, безопасность, медиаотрасль [13].

Американские элиты не являются сторонниками изоляционизма или уменьшения участия страны в глобальной экономике. Скорее, они считают, что многосторонние институты не позволяют Соединенным Штатам в полной мере мобилизовать свою структурную экономическую и политическую мощь, чтобы обеспечить максимальную прибыль корпораций или помешать Китаю в развитии передовых технологий. Находясь в тесной связке с Пентагоном, они также обеспокоены военными последствиями потери

превосходства в таких передовых технологиях, как искусственный интеллект, электромобили и киберпотенциал [14].

По мере технологического взлета Китая вся корпоративная Америка начала разделять взгляды националистов, высказывающих озабоченность по поводу стремления Китая к обязательной передаче технологий, сильной промышленной политике по предоставлению субсидий и финансированию национальных фирм, а также создания несправедливых преимуществ для государственных компаний. Примерно 90% мирового компьютерного оборудования, включая 3/4 всех смартфонов, производится в Китае [5], который вложил значительные средства в технологические компании США с особым упором на проекты в области искусственного интеллекта. Советник Трампа по торговле, глава Национального торгового совета и по совместительству один из идеологов «торговой войны» Питер Наварро в интервью американскому изданию *The Wall Street Journal* заявил: «Инвестиции Китая в стратегические технологии могут в конечном счете создать серьезную опасность для производственной базы и оборонной промышленности США» [15]. Еще в администрации Б. Обамы высказывались опасения, что «принимать решительные меры для предотвращения проникновения Китая в технологический сектор может быть слишком поздно» [16].

Размеры внутреннего рынка дают Китаю огромные преимущества, что было продемонстрировано недавно в связи с намерением *Google* запустить в Китае подцензурную поисковую систему с целью подключения 753 млн интернет-пользователей. Однако все равно Пекин сталкивается с трудностями: проблема массовых избыточных производственных мощностей, рост государственного долга, проблемы с осуществлением проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП), предназначенного в том числе для загрузки избыточных мощностей извне. На протяжении нескольких лет в Китае наблюдается снижение темпов роста, а курс юаня в 2018 г. упал на 6% [17].

По подсчетам американских специалистов, КНР будет расходовать на оплату пошлин свыше 50 млрд долл. Но в планах президента США — это лишь первый шаг в экономической борьбе с Поднебесной. Впоследствии список китайских товаров будет расширен до 100 млрд долл. В свою очередь, Государственный совет КНР объявил о готовности ввести пошлины в размере 25% на 106 наименований импортируемых из США изделий. Перечень включает 14 товарных групп, среди которых соя, продукция автомобилестроения, авиастроения, химической промышленности.

На сегодняшний день Китай еще не способен перейти к модели роста, в большей степени ориентированной на потребление и внутренний рынок, что вынудило его создать систему перераспределения богатств по восходящей, тем самым копируя модель Соединенных Штатов. Пекин также по-прежнему остро зависит от западных технологий, особенно иностранных микрочипов, составляющих в последние годы почти половину стоимости его импорта.

Первоначальное, но впоследствии отмененное, решение Трампа фактически закрыть китайский телекоммуникационный гигант ZTE имело бы разрушительные последствия для китайской экономики, равно как и для многих американских компаний. Это могло привести к лишению ZTE доступа к фирмам США, которые поставляют компании треть важнейших компонентов. Такие действия хозяина Белого дома вынудили китайское руководство значительно усилить свою решимость по укреплению технологической самостоятельности. По мнению руководства Китая, в результате реализации проектов ОПОП и «Сделано в Китае 2025», в котором определены десять отраслей, в том числе информационная сфера и аэрокосмическая промышленность, в которых Китай претендует на глобальное лидерство, они представляют смертельную угрозу превосходству США в ближайшие годы [18].

С момента вступления КНР в ВТО в 2001 г. положительное сальдо торгового баланса Поднебесной с США возросло с 50 млрд до 375 млрд долл. [5]. Известно, что условием для доступа иностранных компаний к китайскому рынку является передача технологий и интеллектуальной собственности. Однако выдвигая такое условие, Китай копирует стандартные меры по развитию государственного капитализма согласно стратегии, предложенной еще Александром Гамильтоном. Навязывание Китаем данного условия партнерам стало возможным вследствие большого объема своего рынка и сильной, централизованной политической системы. Это выделяет его среди большинства развивающихся стран, у которых нет подобного преимущества [17].

Неолибералы отмечают, что введение тарифов против Китая может только перераспределить, но не сократить общий торговый дефицит США. Националисты же полагают, что тарифы помогут добиться дальнейших уступок от Китая в плане его экономической политики в целом, а также заставят транснациональные корпорации США отказаться инвестировать в Китай и вывести из экономики уже вложенные средства. Действия и риторика администрации Трампа в отношении Китая являются отражением разногласий среди американской элиты. Пентагон наряду с националистами активно поддерживает жесткую стратегию военного и промышленного сдерживания. В принятой в декабре 2017 г. Стратегии национальной безопасности Китай определяется как ревизионистская держава и стратегический соперник, который стремится выдавить Соединенные Штаты из Тихоокеанского региона [19]. Законопроект 2018 г. об обороне уделяет Китаю основное внимание и возлагает на аппарат национальной безопасности США в отношении китайских приобретений еще и ужесточение контроля за экспортом американских технологий [20].

В целом Китай недооценил силу националистических настроений в Соединенных Штатах. Однако несмотря на все преимущества, шансы Соединенных Штатов на победу в «торговой войне» с Китаем невелики. Не только глобалисты с Уолл-стрит, но и фермеры, промышленные рабочие и потребители протестуют даже против уже принятых весьма скромных протекционистских мер США. Помимо тарифов Китай может ответить нефор-

мальными бойкотами, как это было сделано в отношении Южной Кореи и Японии, а также принять блокирующие административные меры, подобные решению по *Qualcomm*.

Китайская государственная газета «Жэньминь жибао» считает, что «китайский рынок жизненно важен для многих ведущих американских брендов... Если *Apple* хочет продолжать получать огромные прибыли на китайских рынках, несмотря на торговую напряженность, компании необходимо быть более щедрой в дележе экономического пирога с жителями Китая» [21]. Сомнительно также, что экономика США, почти десятилетие находящаяся в стадии восстановления, сможет сохранить свою нынешнюю траекторию роста в условиях повышения процентных ставок и растущего бюджетного дефицита. Если Китай начнет сбрасывать запасы казначейских бумаг США стоимостью 1,2 млрд долл., то цены на долговые обязательства взлетят; увеличение доходности казначейских бумаг повысит стоимость заемных средств, что подтолкнет страну к рецессии, которая ослабит позиции в «торговой войне» [22].

В то же время окно возможностей для Вашингтона может закрыться, так как Китай приступает к стимулированию экономики, а курс юаня снижается. Технологическое лидерство США компенсируется взаимосвязанностью высокотехнологичных секторов США и Китая в производственных цепочках по всей Азии. Тарифы, предложенные Трампом, наносят ущерб компаниям США, работающим в Китае. Так, *Apple* получает 25% своей чистой прибыли на китайском рынке, *Qualcomm* — 75% [21]; семь ведущих операторов США в области компьютерных и коммуникационных технологий преобретают подавляющую часть комплектующих в Китае.

Однако альянс националистов и глобалистов, которым ознаменовался первый год президентства Трампа и который поддерживал дисциплину Республиканской партии, ослабевает. Несогласие Уолл-стрит с политикой протекционизма выразил бывший заместитель министра финансов США Роджер Альтман, который предупреждал, что глобальные финансовые рынки являются «самой мощной силой на земле, мощнее ядерного оружия. Атмосфера страха на финансовых рынках может заставить правительства мгновенно изменить политический курс» [11].

Не предложив никаких ощутимых выгод своим сторонникам из числа белого рабочего класса, Трамп не может так просто отказаться от конфронтационной торговой позиции, особенно в отношении Китая, которая служит компенсацией за проведение неолиберальной политики. Исходя из этого, националистическая стратегия во многих отношениях неубедительна и непоследовательна. Почти все американские эксперты и исследователи согласны с тем, что конфликт с Китаем в первую очередь связан с высокими технологиями и только потом — с торговым дефицитом. Но даже если удастся сдержать высокотехнологичные амбиции Китая, это не обязательно приведет к отказу от глобализации или принесет выгоды большинству американцев.

Будучи крепко связанной с проектом неолиберальной консолидации, эта стратегия не предусматривает подлинную реиндустриализацию, перераспределение богатства и доходов, не обеспечивает необходимое финансирование инфраструктуры, исследований и разработок, а также системы общего образования. Те социальные силы в американском обществе, которые могли бы осуществить эту политику — выстроить основу долгосрочного многостороннего урегулирования, которое могло бы принести взаимную пользу китайскому и американскому народам, — чрезвычайно слабы и дезорганизованы. Конфронтационная стратегия максимального сдерживания со стороны Соединенных Штатов, даже если ЕС выступит на их стороне, несомненно, спровоцирует глобальный хаос, но с низкой долей вероятности обрушит подъем Китая в долгосрочной перспективе [23].

«Проблема доллара» в экономической политике стран — партнеров Соединенных Штатов

Последствия мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. негативно сказались на эффективности «Дипломатии доллара» (*The dollar diplomacy*), постепенно теряющей свое влияние. На фоне многочисленных неправомерных политических и экономических действий со стороны США от использования доллара во взаиморасчетах в начале 2010-х годов отказались некоторые латиноамериканские государства: Боливия, Венесуэла, Гондурас, Куба, Никарагуа и Эквадор. Позже к ним присоединились Бразилия и Уругвай. Подобное решение латиноамериканских государств обусловлено тесной интеграцией в рамках МЕРКОСУР и других региональных объединений, главной целью которых является уход из-под традиционной сферы влияния США и создание общего внутреннего рынка, не подверженного влиянию американского доллара.

Политические события последних пяти лет усилили постепенный процесс дедолларизации в мировой экономике. Можно выделить два основных этапа: официальные заявления лидеров стран о необходимости поиска альтернативы доллару и фактические действия центробанков по проведению торговых сделок в национальных валютах.

Введение США новых санкций в отношении Ирана вынудило руководство Исламской республики полностью отказаться от американской валюты и перейти в расчетах с зарубежными партнерами на евро. Кроме того, по решению правительства «все министерства, государственные организации и фирмы обязаны использовать евро как основную валюту в отчетах и при публикации статистики» [24]. При взаиморасчетах же с другими государствами кроме евро будут использоваться турецкая лира, южнокорейская вона и российский рубль. Текущая экономическая ситуация в Иране осложняется политическими маневрами, к которым прибегают партнеры с целью удержать стратегические позиции в двухсторонней торговле с Тегераном. ЕС не одобрил выход

США из ядерной сделки с Ираном и рискует попасть под санкции Вашингтона за торговлю с ним. Тем не менее обе стороны, несмотря на давление со стороны администрации президента Соединенных Штатов, осознают взаимовыгоду от сотрудничества друг с другом. Для ЕС покупка сравнительно дешевой иранской нефти — удачная сделка, позволяющая сэкономить ежегодно миллиарды евро и снизить энергетическую зависимость от Саудовской Аравии, главного сателлита США, а для Ирана — своя доля в мировом экспорте сырья и поддержка европейских государств на фоне жестких санкций, вводимых Белым домом. Исходя из этого, ЕС не только выступил против новых ограничений в отношении Ирана, но и объявил, что будет использовать собственную валюту — евро — для оплаты иранской сырой нефти.

Наметившийся раскол в отношениях между Турцией и США также повлек за собой решительные намерения турецкой стороны отказаться от диктата доллара и перейти на расчеты в национальных валютах в торговле со своими главными партнерами — Россией, Китаем, Ираном и ЕС. По этому поводу турецкий лидер Реджеп Тайип Эрдоган заявил: «Если страны Европы тоже захотят избавиться от доллара, то Анкара готова перейти и с ними на аналогичные расчеты» [25].

Причин, из-за которых между Анкарой и Вашингтоном обострились противоречия, достаточно много. Во-первых, это повышение пошлин на импорт турецкой стали и алюминия в Америку в 2 раза. Во-вторых, отказ Вашингтона в выдаче проповедника Фетхуллаха Гюлена, обвиняемого турецкими властями в непосредственной подготовке и попытке организации государственного переворота летом 2016 г. Более того, США предъявляют Турции требования, предполагающие значительные коррективы внешней политики ее на Ближнем Востоке и отказ от военно-технического сотрудничества с Россией, в частности, от покупки ракетных комплексов С-400. Политика США в отношении Турции привела к существенному обесцениванию лиры (на 40%), в связи с чем власти страны призвали население обменивать доллары и евро на национальную валюту ввиду возможности рисков ухудшения отношений с Соединенными Штатами [Там же].

Из стран Азиатско-Тихоокеанского региона первыми отказались от доллара Китай, Япония, Южная Корея и Австралия. В национальных валютах Поднебесная торгует с Японией и Индией, а Япония — с Бразилией. Первые платежи в рублях были также проведены между Россией и Северной Кореей. Кроме того, Пекин поддержал инициативу создания в столице Малайзии Куала-Лумпуре клирингового центра, в задачи которого входит увеличение объемов торговли в юанях в Юго-Восточной Азии. Это стало ответной реакцией на решение Сингапура, крупнейшего финансового центра Азии, установить прямую конвертацию между сингапурским долларом и юанем.

Следует подчеркнуть тот факт, что основные усилия по проведению политики дедолларизации принадлежат странам — членам крупнейших мировых

и региональных торговых блоков, таких, например, как БРИКС, АСЕАН, ЕАЭС, ШОС и др. Альянс России и Китая обладает большим запасом ресурсов, что позволяет реализовывать подобную стратегию на долгосрочной основе. Первую сделку в национальной валюте центральные банки России и Китая заключили осенью 2014 г., что ознаменовало собой решительные намерения двух стран избавиться от долларовой зависимости.

Главный аргумент китайского руководства — Шанхайская международная энергетическая биржа (*Shanghai International Energy Exchange, INE*), которая 26 марта 2018 г. начала торги нефтяными фьючерсами в юанях. В первый же день в Шанхае было заключено 18 тыс. сделок, а оборот превысил 2,7 млрд долл. Торги проводил швейцарский холдинг *Glencore*, один из крупнейших нефтяных трейдеров в мире, входящий в число ведущих действующих лиц на российском сырьевом рынке.

Показательна динамика торгов на Шанхайской энергетической бирже в последние месяцы. Если в конце марта объем торгов нефтяными фьючерсами составлял 20–30 тыс. лотов по 1 тыс. баррелей, то в начале мая — уже 240–250 тыс., в июле — 2,6–2,8 млн лотов (14,4% мирового рынка), а в конце октября — 3,1 млн (16%), что в 49 раз больше аналогичного показателя Дубайской товарной биржи. За девять месяцев Шанхайская биржа вошла в число ведущих нефтяных бирж, заняв 3-е место после Нью-Йоркской и Лондонской [26].

Изначально Шанхайская энергетическая биржа ориентировалась не на спекулятивные расчетные фьючерсы, а на поставочные. По такому контракту инвестор покупает не товар, а обязательство купить товар в определенную контрактом дату. Поставки физической нефти на китайский рынок в соответствии с фьючерсными контрактами, заключенными на INE, начались в сентябре. Нефтеперерабатывающим и нефтехимическим компаниям Китая поставочные фьючерсы дают гарантированное обеспечение предприятий необходимым сырьем и хеджирование рисков.

Шанхайская энергетическая биржа сумела стать такой международной площадкой, где китайские и зарубежные участники рынка совершают сделки без оглядки на американский доллар. Доверие к INE высоко, котировки фьючерса *Shanghai crude* (сырой нефти) стали ценовым ориентиром (*benchmark*) для расчетов при поставках других сортов нефти, что ведет к укреплению юаня и намного сужает сферу господства доллара, приближая то время, когда на смену нефтедоллару может прийти нефтеюань. За торгами в Шанхае внимательно следят нефтяные компании, трейдеры и финансовые структуры Сингапура, Великобритании, США. Многие из них уже активно торгуют на INE. Если в первые два месяца после начала торгов иностранные участники заключали не более 5% общего числа фьючерсных контрактов, то сейчас их доля увеличилась до 15%.

Сегодня Китай платит за нефть валютой, которую сам эмитирует, хотя раньше такое могли себе позволить только США. Кей Ван Петерсен, эксперт по гло-

бальной макростратегии сингапурского отделения *Saxo Capital Markets*, считает, что «непредвиденные последствия борьбы США на нескольких фронтах привели к тому, что миру нужна альтернатива доллару США... Торговая война приведет к удвоению усилий по структурному усилению юаня» [26].

В отношении политики России в данном вопросе нужно отметить следующее: Кремль прилагает все усилия, чтобы добиться экономической независимости. Россия существенно диверсифицировала свои валютные резервы. Доля доллара была сокращена вдвое — с 46,3 до 21,9%. Правительство РФ продолжает сокращать вложения в государственный долг США. По данным американского Минфина, в ноябре прошлого года они уменьшились на 1,8 млрд долл. по сравнению с октябрём. Теперь Россия держит государственных облигаций США всего на 12,8 млрд долл. (в основном краткосрочные бумаги). Для сравнения: в 2017 г. эта цифра составляла 102 млрд долл. [27]. Другой показательный пример: в начале 2018 г. Россия была в числе 16 крупнейших держателей американского государственного долга, а теперь занимает позиции в третьем десятке. Последний раз наша страна оказывалась на этом месте в 2007 г., после чего начала существенно наращивать в своих резервах так называемые «*treasuries*» (казначейские облигации США) [28].

По данным Министерства финансов США, Москва отказалась практически от всех американских облигаций государственного займа. За II кв. 2018 г. Россия избавилась от американских ценных бумаг на сумму в 100 млрд долл. и вложила деньги в другие валюты, в первую очередь евро и юань. Вырученные от продажи средства были инвестированы в покупку золота, объем которого составил рекордные 274,3 т. В результате политического кризиса 2014 г. политика России была направлена на пополнение своих золотовалютных резервов, запас которых вырос с 1726,2 до 2113 т к концу 2018 г. Следует отметить, что Центральный банк РФ не единственный, кто обратил внимание на золото. За прошедший год центральные банки многих стран купили золота больше, чем в любой другой год, начиная с 1971 г., когда США отказались от золотого стандарта [29] (рис. 3).

Помимо России к подобной стратегии присоединились также Казахстан, Турция, Ирак, Индия, Польша и Венгрия, возобновил закупку золота и Китай. Анализ подобной тенденции подводит к тому, что страны пытаются обезопасить свою экономику на случай нового финансового кризиса, ввиду нынешней турбулентности американской валюты.

Американский инвестиционный банк *Morgan Stanley* сообщает, что в 2018 г. Россия стала основным скупщиком китайских облигаций. Доля китайской валюты возросла с незначительных 0,1 до 14,7%. Эти действия России сочетаются с ее общим внешнеполитическим курсом, которая делает ставку на стратегическое партнерство с Китаем и рассматривает его как альтернативу сотрудничеству с США. Доля евро в российских резервах также увеличилась с 25% в середине 2017 г. до 32% в 2018 г. [Там же].

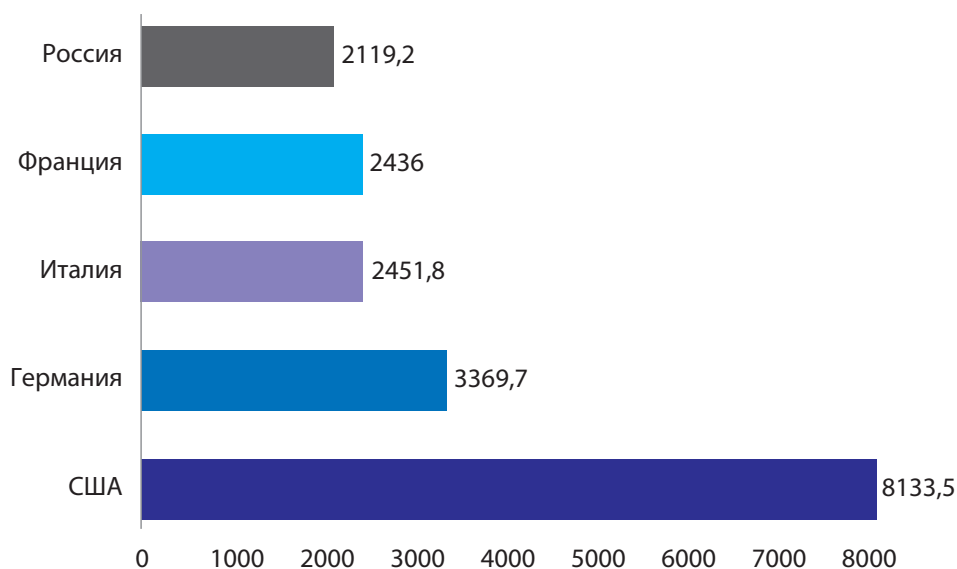

Рис. 3. Золотой запас крупнейших стран, т

Вопрос о снижении доли доллара в российской экономике все шире обсуждается в связи с американскими санкциями, усиление которых потенциально может привести к запрету на расчеты в долларах. Отказ от финансирования американской экономики и резкое сокращение долларовых активов в структуре золотовалютных резервов — это прямое следствие геополитического фактора. Замещение казначейских бумаг США их китайскими аналогами отражает текущий стратегический вектор российской политики и продиктовано охлаждением в отношениях России и США.

Как отмечалось, ненадежность долларовой системы заставляет и другие страны искать альтернативы. «Односторонняя и скачкообразная» политика Вашингтона ставит под угрозу послевоенный финансовый порядок. Об этом свидетельствуют данные Международного валютного фонда (МВФ) по валютному составу мировых резервов [30] (рис. 4).

Во II кв. 2018 г. общие мировые валютные резервы во всех валютах выросли на 3,2% в годовом исчислении до 11,48 трлн долл., что вполне соответствует диапазону последних трех лет. Для целей отчетности МВФ конвертирует все валютные остатки в доллары США. Деноминированные в долларах США активы среди этих резервов выросли до 6,55 трлн долл., однако с учетом общего роста всех валютных резервов доля деноминированных в долларах активов среди этих резервов снизилась до 62,25%, что является самым низким показателем с 2012–2013 гг. В III кв. 2018 г. долларовая часть резервов сократилась на 61,9%, что опять-таки самый низкий показатель за последние пять лет. Евро, напротив, существенно укрепил свои позиции: во II кв. 2018 г. его доля выросла до 20,26%, что является самым высоким показателем с IV кв. 2014 г.

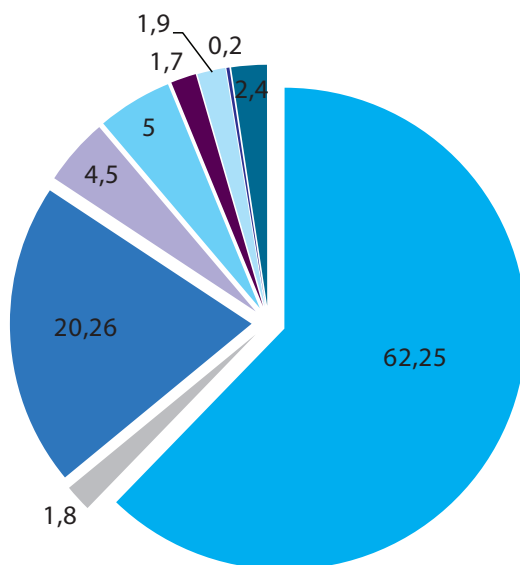

Рис. 4. Состав валютных резервов МВФ, %:
 ■ доллар, ■ юань, ■ евро, ■ фунт стерлингов, ■ иена, ■ австралийский доллар,
 ■ канадский доллар, ■ швейцарский франк, ■ другие валюты

Создание евро стало самой успешной попыткой уменьшить гегемонию доллара. До финансового кризиса 2008–2009 гг. и долгового кризиса евро в Европе доминировало мнение, что через некоторое евро время достигнет паритета с долларом по шкале гегемонии. Последней попыткой ослабить гегемонию доллара является повышение китайского юаня до глобальной резервной валюты: по состоянию на 1 октября 2016 г., МВФ добавил его в свою валютную корзину, на основе которой определяется курс специальных прав заимствования (СДР) [30].

Безусловно, следует учитывать взаимосвязь между долларом как важнейшей резервной валютой и огромным торговым дефицитом США с остальным миром. Существует теория, основанная на том, что США как страна с основной резервной валютой должны иметь огромный торговый дефицит с остальным миром. Статус доллара как главной резервной валюты позволяет финансировать торговые дефициты и, таким образом, делает эти торговые дефициты возможными в долгосрочной перспективе (на протяжении двух десятилетий). В противовес доллару, евро вторая резервная валюта — валюта ЕС, который имеет большой профицит торговли с остальным миром.

Эволюция мировых финансов в значительной степени связана с динамикой международного баланса сил. Америка использует доллар как оружие. Поэтому помимо финансовых инструментов американская валюта поддерживается военной мощью. Из этого следует, что дедолларизация — длительный и очень сложный процесс. Успехи Китая в расширении международного влияния юаня обусловлены учетом потребностей реального

сектора китайской экономики; без этого укрепление международного авторитета национальной валюты не имеет перспектив.

Внешняя политика администрации Трампа ускоряет тенденцию ухода от доллара как мировой резервной валюты. В январе 2017 г., когда состоялась его инаугурация, доллар использовался почти в 90% сделок всех международных транзакций. Сейчас эта цифра снизилась до 2/3. В январе 2019 г. Д. Трамп в своем «Твиттере» подверг сомнению стремление Пакистана бороться с терроризмом. Спустя сутки Центральный банк Пакистана объявил, что больше не будет использовать доллар США в международных сделках и вместо этого перейдет на китайский юань [26].

В настоящее время единственными подходящими альтернативами доллару эксперты называют юань и евро. Однако и здесь существуют определенные риски. Для евро — это политическая устойчивость Евросоюза (и сохраняющаяся зависимость от США), для юаня — отсутствие свободной конвертации, высокая вероятность искусственной девальвации со стороны китайского регулятора в случае возникновения проблем в экономике Поднебесной.

Альтернатива долларовой экономике, безусловно, есть. Тем более что за исключением нескольких кратких периодов после Второй мировой войны вклад Америки в мировое хозяйство снижается. Если в 1960 г. на ВВП США приходилось 40% мирового ВВП, то в 2014 г. эта доля сократилась в 2 раза. США уступает лидирующие позиции как по абсолютным величинам, так и по темпам роста. В результате развитие этой тенденции будет медленно, но верно вести к снижению доли глобального долларового оборота [Там же].

Подводя итог изложенному выше, хотелось бы обратиться к книге американско-турецкого экономиста Дэни Родрика «Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики», изданной в 2011 г. [31]. В этой книге автор концептуально описал понятие «парадокс глобализации» (*The Globalization Paradox*), смысл которого заключается в наличии конфликта между демократией, экономической глобализацией и суверенитетом государств. По мнению Родрика, невозможно сосуществование этих трех целей политики на уровне национального государства. Для продолжения собственной политики на национальном уровне мощнейшей державе рано или поздно придется пожертвовать одним из этих трех принципов. Проецируя этот парадокс в отношении нынешней политики Белого дома, можно сделать вывод, что, поскольку демократия и суверенитет для США священны, для разрешения данного парадокса в жертву должна быть принесена глобализация. Поддержка националистов в вопросе введения торговых барьеров, а также сопротивление нелиберальной стратегии олицетворяют собой концептуально новый поворот США в вопросе глобального доминирования.

Основной же конкурент США в торговой сфере — Китай — предпочитает жертвовать своей демократией. В сложившейся ситуации, чтобы сохранить

собственное превосходство, Соединенным Штатам приходится полагаться уже не на мягкую силу (*soft power*), а на жесткую (*hard power*) с элементами военного давления и протекционизма, который нужен, чтобы затормозить теряющие управляемость геэкономические процессы и глобализацию, способствующую возвышению Китая. Представители администрации США констатируют, что «произошло неблагоприятное для американских интересов смещение глобального баланса сил». Поэтому для восстановления превосходства логичным выглядит смена политики Соединенных Штатов, принципиально иной лидер и иная идеология. Результатом такого курса вполне может стать некий симбиоз доктрины Джеймса Монро («Америка для американцев») и идеи Ганса Моргентау о том, что в основе внешней политики должны лежать национальные интересы, а вооруженные силы и угроза их использования являются важнейшим ресурсом в международных отношениях, который определяет силу нации.

Наиболее близкими к названным выше оказались идеи, которые озвучил в ходе президентской кампании 2016 г. Д. Трамп, выражавший протекционистские взгляды на промышленное производство и откровенно популистские — на торговлю и иммиграцию. Теперь Д. Трампу предстоит доказать, что «Америка на первом месте» (*America First*), потому что итоговый результат комбинации его политики, экономики, идеологии консервативного англосаксонского мессианства и превосходства Америки над всем остальным миром, что эксперты уже окрестили «трампономикой», не предопределен. Зарубежные партнеры быстро превращаются в соперников, а внутривнутриполитические силы США пока невозможно сложить в единый вектор: слишком очевиден раскол элиты после выборов 2016 г.

Источники

- [1] Swanson A. White House Tries to Tamp Down Trade War Fears as China Retaliates // The New York Times. 2018. URL: <<<https://www.nytimes.com/2018/04/04/business/the-united-states-is-starting-a-trade-war-with-china-now-what.html>>>.
- [2] Лосев А.В. «Трампономика»: первые результаты. Эрозия Pax Americana и торможение глобализации // Валдайские записки. 2018. № 87. URL: <<http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-87/>>.
- [3] Официальный сайт Издательства правительства США // National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019. 2018. URL: <<https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-115hr5515enr/pdf/BILLS-115hr5515enr.pdf>>.
- [4] Минфин Франции: Вашингтон добивается экономического раскола между Парижем и Берлином // ТАСС. 2018. URL: <<https://tass.ru/ekonomika/5356580?amp>>.

- [5] *Кафруни А.* Глобальная торговая война? Противоречия торговой политики США в эпоху Трампа // Валдайские записки. 2018. № 93. URL: <<http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-93/>>.
- [6] Официальный сайт ЦРУ//The world factbook. 2018. URL: <<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2001rank.html>>.
- [7] Renminbi internationalisation and the BRI: rebuilding momentum? // HSBC. 2018. URL: <<https://www.business.hsbc.com/china-growth/renminbi-internationalisation-and-the-bri-rebuilding-momentum>>.
- [8] Официальный сайт Бюро экономического анализа США. U.S. International Trade in Goods and Services. 2018. URL: <<https://www.bea.gov/news/2019/us-international-trade-goods-and-services-december-2018>>.
- [9] *Макаров О.* США vs Китай: почему Вашингтон проиграет в торговой войне // РБК. 2018. URL: <<https://www.rbc.ru/economics/08/07/2018/5b3f826a9a7947586ac7d67a>>.
- [10] Официальный сайт Белого дома. How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World. 2018. URL: <<https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/06/FINAL-China-Technology-Report-6.18.18-PDF.pdf>>.
- [11] *Altman R. C.* The Markets Will Stop a Trade War // The Wall Street Journal. 2018. Vol. 272. No. 20. URL: <<https://www.wsj.com/articles/the-markets-will-stop-a-trade-war-1532558363>>.
- [12] European Economic Forecast. European Commission's Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2018. URL: <https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/ip084_en.pdf>.
- [13] *Emmott R., Barkin N.* Exclusive: China presses Europe for anti-U.S. alliance on trade // Reuters. 2018. URL: <<https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-eu-exclusive-idUSKBN1J1TKT>>.
- [14] Chinese Investment in Critical U.S. Technology: Risks to U.S. Security Interests // Council on Foreign Relations. 2017. URL: <<https://www.cfr.org/report/chinese-investment-critical-us-technology-risks-us-security-interests>>.
- [15] *Navarro P.* Trump's Tariffs Are a Defense Against China's Aggression // The Wall Street Journal. 2018. Vol. 271. No. 143. URL: <<https://www.wsj.com/articles/trumps-tariffs-are-a-defense-against-chinas-aggression-1529533046>>.

- [16] *Donnan S.* The AI Arms Race: The Tech Fear Behind Donald Trump's Trade War with China // Financial Times. 2018. URL: <<https://www.ft.com/content/40304bea-7eb9-11e8-bc55-50daf11b720d>>.
- [17] *Dodwell D.* The real target of Trump's trade war is 'Made in China 2025' // South China Morning Post. 2018. URL: <<https://www.scmp.com/business/global-economy/article/2151177/real-target-trumps-trade-war-made-china-2025>>.
- [18] *Дисэн Г.* Геоэкономика Китая и «новая холодная война» // Валдайские записки. 2018. № 96. URL: <<http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-96/>>.
- [19] Официальный сайт Посольства США в Грузии. 2017 National Security Strategy of the United States of America. 2017. URL: <<https://ge.usembassy.gov/2017-national-security-strategy-united-states-america-president/>>.
- [20] Официальный сайт Министерства обороны США. Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States. 2018. URL: <<https://media.defense.gov/2018/Oct/05/2002048904/-1/-1/1/assessing-and-strengthening>>.
- [21] *Weijia H.* Strong sales of US brands including Apple give China bargaining chips in trade row // People's Daily. 2018. URL: <<http://en.people.cn/n3/2018/0807/c90000-9488434.html>>.
- [22] *Brown D.* Should China play hardball in the trade war with Trump and start targeting US Treasuries? // South China Morning Post. 2018. URL: <<https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/united-states/article/2158403/should-china-play-hardball-trade-war-trump-and>>.
- [23] *Graaff N.D.* US-China Relations and the Liberal World Order: Contending Elites, Colliding Visions? // International Affairs. Oxf.: Oxford University Press. 2018. Vol. 94. No. 1. P. 113–131. URL: <<https://medium.com/international-affairs-blog/us-china-relations-and-the-crisis-of-liberal-order-6f4f75d80402>>.
- [24] Трамп устроил в Иране валютный коллапс // Рамблер/финансы. 2018. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/39724605/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink>.
- [25] К чему могут привести разногласия между Турцией и США // Рамблер/новости. 2018. URL: <https://news.rambler.ru/world/40536997/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink>.
- [26] *Прохватиллов В.* Внешняя политика Трампа ускоряет уход от доллара как мировой резервной валюты. 2018. URL: <[42](https://www.fondsk.</p><hr/></div><div data-bbox=)

ru/news/2018/12/18/vneshnjaja-politika-trampa-uskorjaet-uhod-ot-dollara-kak-mirovoj-rezervnoj-valjuty-47312.html>.

- [27] *Zschäpitz H.* Kreml löst sich vom Dollar-Diktat / H. Zschäpitz // Die Welt. 2019. URL: <https://www.welt.de/print/die_welt/finanzen/article186891006/Kreml-loest-sich-vom-Dollar-Diktat.html>.
- [28] *Kantchev G.* Russia Demotes Dollar's Role at Home, Taking a Swipe at U.S. // The Wall Street Journal. 2018. Vol. 272. No. 112. URL: <<https://www.wsj.com/articles/russia-demotes-dollars-role-at-home-taking-a-swipe-at-u-s-1541959204>>.
- [29] Официальный сайт ЦРУ. The world factbook. 2018. URL: <<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2001rank.html>>.
- [30] *Richter W.* US Dollar Refuses to Die as Global Reserve Currency — But Loses Ground // Wolf Street. 2018. URL: <<https://wolfstreet.com/2018/09/30/us-dollar-global-reserve-currency-hegemony-chinese-rmb-yuan-euro/>>.
- [31] *Rodrik D.* The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. N.Y.; L.: W. W. Norton, 2011.

Ilyin I.¹

Trade wars as the main aspect of contradictions between the USA and other countries

This article analyzes the factor of economic rivalry between the United States and China, which led to the beginning of “trade wars”. The subject of the study is the political and economic measures of president D. Trump in the framework of America strategy in order to maintain the dominant role of US in the world market. In addition, the consequences of the tough sanctions policy of the White House against other states in order to impose

¹ Ilyin Ilya — Donetsk national University (DPR). E-mail: <04ilyin01@gmail.com>.

the dollar as a single currency for trade are evaluated. As the results of the study, the reasons for the refusal of some countries to trade in dollars are reviewed, which led to the practice of using their own national currencies in trade with their partners.

Keywords: *tariffs, strategy, trade policy, reserve currency, de-dollarization; trade deficit, economic war.*

Статья поступила в редакцию 19 сентября 2019 г.